

ПОСЛЕДСТВИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПЕРЕМЕН В РОССИИ

THE CONSEQUENCES OF REVOLUTIONARY CHANGES IN RUSSIA

DOI 10.15826/izv2.2021.23.1.005

УДК 94(470.5) "1918" + 338.26(1-31)(09) +
+ 94(470) "19..." + 329.14 + 329.72y5

А. А. Кохановский

¹*Уральский федеральный университет*

²*Уральский государственный аграрный
университет*

Екатеринбург, Россия

ПРОЕКТЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ УРАЛА В 1918 г.: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Целью статьи является анализ содержания проектов обоснования автономии Урала и состава его территорий, рассмотренных Временным областным правительством Урала (ВОПУ) 1918 г. Наличие в них тезисов о формировании особой уральской идентичности придает исследованию актуальность не только с точки зрения крайне фрагментарной изученности указанных проектов предшествующей историографией, но и в плане восполнения пробелов в истории формирования особой областнической общественно-политической мысли Урала в контексте деятельности коалиции ВОПУ. Обращение к проектам интересно и с точки зрения преемственности практик территориального планирования советской и постсоветской Россией. Для анализа содержания и сравнения проектов с целью выявления сходств, различий и следов проявления областнических идей рассмотрено шесть записок, поданных в ВОПУ его главными управлениями, и итоговый доклад. Исследуются также взгляды инициатора создания ВОПУ Л. А. Кроля, реконструируемые по его мемуарам и протоколам заседаний комиссии ВОПУ по границам. Выяснено, что не все проекты содержали рефлексию на предмет особой региональной идентичности, составляющей суть областничества, поскольку причиной дискуссий являлась прагматическая необходимость определить избирательную систему для регионального парламента. Отдельный и уникальный проект Кроля, инструментально обосновывавший границы Урала с учетом текущей, а не будущей политической конъюнктуры, областническим считать нельзя. Сама дискуссия, где предложения Кроля игнорировались, характеризует ВОПУ как уникальный для 1917–1918 гг. коалиционный орган на принципах партийного диалога.

Ключевые слова: история Урала; Временное областное правительство Урала; гражданская война; кадеты; социалистические партии; белое движение

Цитирование: *Кохановский А. А. Проекты территориального планирования Урала в 1918 г.: компаративный анализ // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 1. С. 72–85. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.1.005>*

Поступила в редакцию: 03.10.2019

Принята к печати: 15.12.2020

Alexander A. Kokhanovski

¹*Ural Federal University*

²*Ural State Agrarian University*
Yekaterinburg, Russia

TERRITORIAL PLANNING PROJECTS OF THE URALS IN 1918: COMPARATIVE ANALYSIS

The purpose of this article is to analyse the content of the projects substantiating the autonomy of the Urals and the composition of its territories reviewed by the Provisional Regional Government of the Urals (PRGU) in 1918. The presence of theses regarding the formation of a special Ural identity in them gives the study relevance not only due to an extremely fragmented coverage of these projects in the previous historiography but also in terms of filling the gaps in the history of the formation of the special regional social and political thought of the Urals in the context of the PRGU's coalition activity. Also, it is interesting to consider the projects from the point of view of the continuity of territorial planning practices by Soviet and post-Soviet Russia. To analyse the content and compare projects with each other to identify similarities, differences, and traces of manifestation of regional ideas, the author considers six notes submitted to PRGU by its main departments and the final report. Also, the article refers to individual views of L. A. Krol who initiated the establishment of PRGU, reconstructed according to his memoirs and minutes of the meetings of the PRGU Commission on Borders. It transpires that not all projects contained a reflection on the subject of a special regional identity, which is the essence of regionalism since the reason for the discussions was the pragmatic need to determine the electoral system for the regional parliament. A separate and unique project by Krol, which instrumentally justified the borders of the Urals, taking into account the current, but not the future political situation, cannot be considered regional. The discussion itself where Krol's proposals were ignored characterises the PRGU as a unique coalition body for 1917–1918 based on the principles of party dialogue.

Key words: history of the Urals; Provisional Regional Government of the Urals; Civil War; Cadets; socialist parties; White movement

For citation: Kokhanovski, A. A. (2021). Proekty territorial'nogo planirovaniia Urula v 1918 g.: komparativnyi analiz [Territorial Planning Projects of the Urals

in 1918: Comparative Analysis]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(1), 72–85. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.1.005>

Submitted: 03.10.2019

Accepted: 15.12.2020

Первой попыткой создания государственного образования на Урале следует считать формирование Временного областного правительства Урала (ВОПУ). В советской историографии ВОПУ изображалось марионеточной буржуазно-помещичьей квазитерриторией (буфером) между правительствами КОМУЧа (Самара) и Сибири (Омск) в составе трех уездов Пермской губернии [История Урала, с. 97–98]. Более детально проблему исследовали современные историки: Е. П. Сичинский рассмотрел расстановку партийных сил и связанные с ней контуры внутренней политики ВОПУ [Сичинский], В. М. Рынков [2008] и А. В. Иванов [Иванов; Иванов, Трофимов] изучили социально-экономический аспект деятельности ВОПУ в контексте политики антибольшевистских правительств востока России. С. С. Салазникова [2005] и Е. А. Плешкевич [2002] произвели обзор механизмов функционирования органов государственной власти ВОПУ, затронув и проблему решения Уралом вопросов федерализации, однако довольно фрагментарно. Воплощение проекта Уральской области в условиях революции и гражданской войны изучила Т. В. Соловьева [2016]. В то же время Е. Ю. Казакова-Апкаримова выявила место идеологии уральских областников 1918–1919 гг. в исторической цепочке формирования областнической мысли, рефлексирующей о наличии особой уральской идентичности [Казакова-Апкаримова, 2013; 2014]. Последней из работ, актуализировавших указанную проблематику, оказалась монография К. Д. Бугрова, который обратился к идеям С. А. Груздева — уральского областника, приближенного к ВОПУ [Бугров, с. 14–63].

В вышеуказанных работах рассматривается итоговый проект доклада о формировании территории Уральской области, однако упускается наличие предварительных записок, готовившихся в недрах главных управлений ВОПУ, а также наличие персональной точки зрения у Л. А. Кроля — главного архитектора идеи уральской политической автономизации. Настоящая статья преследует цель обратиться к документам ВОПУ из фондов Госархива Свердловской области (ГАСО), среди которых шесть записок главных управлений с проектами территориального обоснования, протоколы процесса их обсуждения и итоговый доклад по вопросу обоснования границ. Впервые на наличие указанных проектов в недавней статье указал В. М. Рынков, который отнес эти документы «к памятникам политической мысли», но обзор их содержания не производил [Рынков, 2019, с. 100]. Исходя из этого, необходимо исследовать содержание документов и с помощью сравнительного метода выявить наличие в них следов областнических идей, сравнив их между собой с выявлением сходств и различий, а также сопоставив с идеями самого Кроля, которые можно реконструировать только по его мемуарам и репликам в протоколах заседаний комиссии

по границам, восполнив пробелы в результатах предшествующих изысканий. Актуальность тематики подчеркивается и континуитетом идей ВОПУ с теорией и практикой территориального планирования и конструирования региональных идентичностей в XX в., а также анализом модели коалиционного взаимодействия в рамках ВОПУ.

После оставления большей части Урала (кроме Вятки) большевиками летом 1918 г. его территория оказалась разорванной между режимами — КОМУЧа (Самара), Временного Сибирского правительства (Омск), казачества атамана А. И. Дутова (Оренбург) и башкирского правительства А.-З. Валидова (Уфа). Это обстоятельство привело к зарождению у лидера пермской губернской организации партии народной свободы Л. А. Кроля идеи об автономизации Урала. Раздел Урала привел к дезорганизации управления: в результате, к примеру, горные инженеры не знали, где им получать зарплату [Кроль, с. 89]. 1 августа он сформировал межпартийную комиссию, а 10 августа, отвечая на недоверие председателя Омского Совмина П. В. Вологодского к кандидатам в члены ВОПУ, сообщал, что «перетряска кандидатов может создать нежелательные трения», и ссылаясь на мнение местного населения, заявляя: «Здесь, на Урале, необходима твердость, быстрота и решительность, вялость разочаровывает всех» [ЩООСО, ф. 41, оп. 1, д. 120, л. 1–2]. Провозглашение ВОПУ состоялось 19 августа: председателем Совета ВОПУ и главноуправляющим торговлей и промышленностью был назначен кадет П. В. Иванов, главноуправляющим финансами — Л. А. Кроль, земледелием и госимуществами — эсер А. В. Прибылев, трудом — меньшевик П. В. Мурашев, внутренними делами — энес Н. В. Асейкин, народным просвещением — эсер В. М. Анастасьев, юстицией — Н. Н. Глассон, горными делами — А. Е. Гутт (беспартийные). Кроль подчеркивал, как «мало считалось правительство Урала с партийностью... нам нужны были деловые люди» [Кроль, с. 88]. Е. П. Сичинский отмечает, что кадетам пришлось пойти на огромные уступки умеренным социалистам, в том числе на изучение декретов советской власти вместо их отмены [Сичинский, с. 165]. Для уверения Самары и Омска в отсутствии сепаратистских намерений центральные ведомства ВОПУ именовались «главными управлениями» (ГУ), а для контроля над ним учреждался пост Главноуполномоченного от Омска.

Стоит отметить, что процесс выработки положений о территориальном составе Уральской области преследовал сугубо прагматическую цель, не имевшую отношения к областнической рефлексии об особой исторически сложившейся уральской идентичности. Речь шла о выработке избирательной системы и проекта выборов в Уральскую облдуму. Для этого под председательством управделами ВОПУ П. А. Кронеберга была созвана комиссия, где сразу же прозвучал вопрос о границах, согласно которым предлагалось составить партийные списки (либо сформировать равные мажоритарные округа) и списки избирателей [ГАСО, ф. р-1957, оп. 1, д. 1, л. 1], а эсер А. А. Кощеев назвал определение избирательной системы первоочередной по отношению к определению границ задачей [Там же, л. 11 об.]. П. А. Кронеберг предложил для определения

границ создать отдельную подкомиссию из числа делегатов от предполагаемых уральских губерний — Пермской и частично Уфимской, Оренбургской, Вятской и Вологодской. Д. Л. Расснер высказался за самостоятельное определение границ на базе экономического признака, а С. А. Груздев предложил дополнить его географическим и политическим во избежание чересполосицы [Там же, л. 2].

На этом же заседании была учреждена подкомиссия по определению границ области (К. А. Герц, С. А. Груздев, А. А. Кощеев, Н. М. Обухов и Д. Л. Расснер). Комиссия поручила каждому ГУ составить доклады по вопросу территориального комплектования, представленные в период октября-ноября 1918 г. (точные датировки создания в документах не указаны).

Одним из первых свои соображения представило ГУ внутренних дел. Записка начиналась с утверждения о том, что «областничество мало знакомо населению как идея, так как она... душилась самодержавием», поэтому необходимо учитывать не только мнение населения, но и стратегическое расположение территории края между Самарой и Омском, а также не брать в расчет этнические проблемы региона (казачий и башкирский вопрос) во избежание бесконечного дробления России. ГУВД призывало учесть лишь экономико-географический фактор, включив всю Пермскую губернию, часть Вятской (Глазовский, Сарапульский и Слободской уезды), Уфимской (Уфимский, Златоустовский, Стерлитамакский) и Оренбургской (Челябинский, Верхнеуральский и Троицкий) губерний. Однако в целях процветания России приветствовалось включение Уфимской и Оренбургской губерний целиком, а также присоединение сибирских уездов вплоть до Оби, Кургана и полуострова Ямал, всего Тиманского хребта до Новой Земли и Колгуева острова. Сообщалось, что вошедшие в состав области инородцы, вероятно, осложнят управление регионом, с чем придется смириться в интересах России [ГАСО, ф. р-1951, оп. 1, д. 58, л. 40–41].

Значительно более пространные пояснения предоставили органы управления «экономическим блоком» ВОПУ.

Так, ГУ торговли и промышленности (ГУТП) сообщало, что вопрос о границах должен решаться исключительно с точки зрения общегосударственных интересов «возрождения России снизу по частям». Однако же Башкирия или Алаш-Орда не сомасштабны Великороссии, Украине или Сибири, поэтому наделить их одинаковым набором компетенций невозможно, а наделять различными опасно ввиду риска распада страны «на союз суверенных государств или конфедерацию». Выход руководству ГУТП представлялся в создании «нескольких областных территорий», «примерно равных по территории, населению и государственной значимости», на базе их экономических, бытовых и культурных условий, и наделения их одинаковыми законодательными и исполнительными полномочиями. Одной из областей виделся Урал в составе всех горных округов без учета старых внутренних межгубернских и уездных границ (ввиду их неэффективности) как совокупность четырех экономико-географических регионов: а) Горнозаводского в составе 27 районов; б) Зауральского земледельческого — 10 районов; в) Западного земледельческого — 8 районов; г) Южного

скотоводческо-земледельческого — 3 района. Притязания Сибири объявлялись неправомерными, поскольку вся транспортная инфраструктура в процессе своего развития начала тяготеть к Екатеринбургу (не к Омску), а зауральские уезды обеспечивали продовольственную безопасность Урала, не нарушая таковую у Сибири. Для освоения недр и леса ввиду наличия технических кадров ГУТП предложило присоединить к области Туринский уезд и Северный Урал до Ледовитого океана на восток, куда от Надеждинского завода будет проложена железная дорога [ГАСО, ф. р-1951, оп. 1, д. 5, л. 2–5].

Иначе видело проблему ГУ труда, предлагавшее объединить весь Урал, поскольку рабочему классу региона тяжело мириться с разделенностью, порождающей его жизнь по разным законам на одной территории. Меншевистское руководство ГУ отмечало, что даже самодержавие учитывало специфику Урала с особой системой управления, а также ставило в пример большевиков, создавших единую Уральскую область под управлением Уралоблсовета. Следуя их примеру, предлагалось унифицировать трудовое законодательство и страховые кассы во избежание хаоса и рабочих волнений. Сообщалось об исключительной некомпетентности соседей ВОПУ, провоцирующей рост симпатий населения к большевизму и отторжение симпатий от ВОПУ: Самары — ввиду излишнего либерализма (легализация совдепов), а Омска — из-за избыточной репрессивности чехословаков и колчаковцев [Там же, л. 8–11].

ГУ земледелия и госимуществ в своем проекте делало акцент на характер лесного хозяйства Уральского региона. Основой районирования ведомство называло Уральские горы, а наиболее типичным ядром региона — Пермскую и отчасти Вятскую губернии с присоединением двух смежных губерний, а также восточной части Вологодской и северо-западной части Тобольской губерний. Главной проблемой признавалось «двоевластие» в лесопользовании (казенные и частные угодья с добавлением лесов для обеспечения быта рабочих и инородцев). Его предполагалось устранить, передав весь лесной фонд Уральскому правительству, объединившему четыре указанных губернии, а также бассейн Оби и Печоры (Тобольская и Вологодская губернии). Отмечалось, что горно-заводская отрасль создала «объединительные идеи областничества», нацеленные на создание «областной земской единицы», воплотившиеся в рождении «мощной Уральской Республики», с которой ввиду истинной культурной самобытности и организованности рабочего класса «считались комиссародержцы Москвы и Петрограда». Отмечалось, что уральские земства имели репутацию самых либеральных, полвека вынашивая идеи областничества [Там же, л. 13–17].

Основой рассуждений ГУ финансов стало позиционирование Урала как комплекса взаимодополняющих горнозаводских (Уральские горы и их склоны) и хлебопашенных (равнины, обрамляющие склоны) территорий, а также железнодорожной и водной инфраструктуры, связывающей эти районы с Пермью, а Урал с остальной Россией. Этот комплекс включал всю Пермскую губернию, Уфимский и Златоустовский уезды Уфимской, Челябинский, Троицкий и Верхнеуральский уезды Оренбургской, Сарапульский, Глазовский,

Слободской и часть Елабужского уездов Вятской, ряд уездов Тобольской и Архангельской губерний, примыкающих к Уральским горам [Там же, л. 22–23].

Несколько нетипичным выглядит мнение, высказанное ГУ горных дел. Его доклад констатировал неизбежность федерализации страны, где Урал виделся «тектоническим и экономическим позвоночным столбом России», центром размещения всего населения и хозяйства, к которому западный и восточный макрорегионы будут лишь примыкать как периферия. Ведомство предлагало разработать для Урала «единый хозяйственный план» с комплексом промышленных, аграрных мер и рабочего законодательства объединенного горного округа. Управление им предлагалось передать в ведение Центрального правительства, способного «отвлечься от провинциального эгоизма», «изолировать Урал от других областей», издав свою конституцию на платформе баланса общероссийских и местных интересов. Территориально проект включал всю Пермскую, часть уездов Вятской (Глазовский и Сарапульский), Уфимской (Уфимский, Златоустовский и Стерлитамакский), Оренбургской (Челябинский, Верхнеуральский и Троицкий), Тобольской (Туринский), Вологодской (Усть-Сысольский), Архангельской (Печорский) губерний, а также потенциально нефтеносный бассейн реки Эмба в Тургайской области, где наличие в степной полосе кочевых казахов и киргизов представлялось проблемой для унификации системы управления [ГАСО, ф. р-1951, оп. 1, д. 5, л. 25–27].

Оставшиеся главноуправления (ГУ народного просвещения и ГУ юстиции), получив запрос на составление докладов, от представления проектов воздержались [ГАСО, ф. р-1951, оп. 1, д. 8, л. 4]. Возможно, ввиду специфики вмененных им сфер управления они не смогли выработать оригинальной концепции: если экономическая и географическая уникальность края были очевидны, то в вопросах обустройства образовательной системы и принципов судостроительства и законности Урал выделяться был не должен, поскольку указанные отрасли управления подлежали унификации в рамках возрожденной России.

Итоговый доклад — проект границ области, рассмотренный на заседаниях подкомиссии, — к ядру региона (четыре губернии) предлагал присоединить Полярный и Северный Урал, восточные окраины Вологодской и Архангельской губерний, которые в будущем свяжет железная дорога, нивелируя отрыв в уровне развития этих окраин от Урала. Отличие от предварительных проектов состояло в том, что базовым фактором планирования территории выступала горнозаводская промышленность края с учетом конфигурации транспортной инфраструктуры и хозяйственной самодостаточности, а историко-бытовое своеобразие местного населения отмечалось в последнюю очередь и не имело фундаментального значения. Идеальным итогом все же представлялось совпадение естественно-географических границ с «областью культурно-исторического самоопределения». Состав границ обосновывался со ссылкой на данные географа К. Д. Носилова, а также сопровождался предостережением от инкорпорации Арало-Каспийского района по причине его исключительного своеобразия и отличия от уральского ядра [ГАСО, ф. р-1957, оп. 1, д. 1, л. 32–33].

Примечательно, что доклад был передан ВОПУ в Сибирское правительство лишь в декабре 1918 г. (ВОПУ как органа власти уже не существовало) и сразу засекречен Омском, запретившим публиковать его в открытых источниках. В период существования ВОПУ глава сибирского Совмина Вологодский, судя по дневниковым записям, которые он вел почти ежедневно, не упомянул о дате и содержании создания ВОПУ, ограничившись лишь уменьшительным названием «Приуральское правительство» [Вологодский, с. 71].

Интерес представляет и сам процесс обсуждения проектов, происходивший на заседаниях подкомиссии по границам в декабре 1918 г., когда был поставлен вопрос о включении в Урал всех четырех губерний целиком. В качестве перманентного генератора контраргументов в работе подкомиссии выступал Кроль, сразу предложив внести поправку к этой формуле, исключив из нее казачьи и башкирские земли, указав, что детальную проработку вопроса «провинциальной или политической автономии» народам предоставит Учредительное собрание [ГАСО, ф. р-1957, оп. 1, д. 1, л. 23 об.–25 об.]. Однако остальные члены подкомиссии вносить поправку отказались [Там же, л. 22]. В частности, И. Е. Ошурков и С. А. Груздев сделали акцент на формировании территории по естественным рубежам, эсер А. А. Кощеев предложил начертать их по карте с севера на юг, исключив Аральско-Каспийскую область лишь потому, что она слабо заселена. На тщетные возражения Кроля о необходимости временно абстрагироваться от теоретизирования и внимательнее подойти к текущему моменту (раздражение Омска выходом Урала на восток, наличие у казаков и башкир собственного уклада жизни и, по существу, уже имеющейся собственной автономии), Кощеев отвечал призывом: «Не надо бегать за политическим моментом, надо строить здоровую автономию!» [Там же, л. 23].

Возражения Кроля и его однопартийца Д. П. Чистосердова о поспешности включения периферийных северных территорий, неразвитость которых спровоцирует для них самих финансовую нагрузку на содержание аппарата управления областью Урала (в случае благоприятного развития в рамках четырех губерний они в будущем сами смогут выступить инициаторами присоединения к ней), парировал Груздев. Он утверждал, что именно связь с Уралом поднимет уровень хозяйственного освоения этих земель, отдавать которые Сибири ошибочно, так как это лишь усилит ее притязания, а возможные отказы самих территорий (например, восточных уездов, примыкавших к зоне контроля Омска) всерьез принимать не стоит. К. А. Герц гиперболизировал реплики Кроля, предложив, руководствуясь соображениями чистой политики, оставить за автономией один Екатеринбургский уезд. Груздев предлагал вместо бесконечного дробления на этнические автономии казаков, башкир, зырян, вотяков, самоедов и др. упрощенную модель большой Уральской области с учетом местных национально-культурных самоопределений.

Член подкомиссии Б. И. Эвенчик указывал на отсутствие «принципа деления» (географический или этнобытовой), напоминая коллегам о нарушении внутренней логики рассуждений: тезис о неуправляемости окраин из центра

страны соседствовал с планом присоединения Заполярья, которым также неэффективно управлять из отдаленного Екатеринбурга, а именование Урала «могучим, великим и неделимым» — с его разделенностью на Северный, Средний и Южный [ГАСО, ф. р-1957, оп. 1, д. 1, л. 27]. Мысль об экономической «забронированности» Урала от всякой нужды Эвенчик называл отголоском гражданской войны, неподходящим для мирного времени, приводя в пример штаты США, не имеющие замкнутого экономического комплекса, и предлагая ограничить Урал горнозаводской частью [Там же, л. 28 об.]. Расширительное толкование уральских границ вновь было заявлено на заседании 21 декабря: И. С. Кожухов, не видя различий между текущим и будущим политическими моментами, которые четко улавливал Кроль, заявлял, что Учредительное собрание уравнивает казаков в правах с остальными гражданами, а для башкир будет предоставлена внутренняя автономия [Там же, л. 46]. Итогом совещаний стало решение остановиться на приблизительных очертаниях Урала в составе четырех губерний (включая национальные территории), а также северного Приполярья и Приобья, а в отношении казачества и башкир сделать оговорку об окончательном решении их проблем на Учредительном собрании [Там же, л. 49 об.]. Дискуссия дает возможность утверждать, что позиция идейного вдохновителя ВОПУ Кроля услышана не была. Окончательно обсуждение вопроса прекратилось 30 января 1919 г. в связи с наступлением красных и передачей дел бывшего ВОПУ Главному начальнику края, назначенному Всероссийским правительством Омска [Там же, л. 62].

Стоит отметить, что именно итоговый вариант доклада о границах, рассмотренный на заседаниях подкомиссии ВОПУ, и был впоследствии растиражирован прессой. В октябре 1918 г. в Екатеринбурге было учреждено «Общество изучения Урала», печатным органом которого выступила газета «Урал» (позже — «Наш Урал: газета демократическая и областническая»). Среди учредителей общества и редакционной коллегии газеты оказались члены ВОПУ, его комиссий и гласные Екатеринбургской гордумы: С. А. Груздев, А. В. и П. В. Мурашевы, И. С. Кожухов, А. А. Кошечев и др. В этом издании Кожухов поместил статью «Об областничестве», где признавал законное право Урала на автономию [Казакова-Апкаримова, 2014, с. 118], а Груздев опубликовал речь «Урал и его будущее» с осуждением захватнической политики Сибири, произнесенную им 12 октября в Народном университете Екатеринбурга [Казакова-Апкаримова, 2013, с. 84]. Там же в ноябре была издана статья Носилова «К автономии Урала», посвященная экономической самобытности края как всероссийской сокровищницы и «сгустка горнозаводской мощи», который виделся ему «гвоздем России, держащим вместе ее расплывающуюся, аморфную массу» [Бугров, с. 38–40]. Популяризацией же идей автономии и регионального парламента занималась кадетская газета «Зауральский край» [Казакова-Апкаримова, 2013, с. 84], к партийным силам которой областники зачастую относились оппозиционно, что выражалось, к примеру, в едком содержании статьи «Надгробное слово», посвященной закрытию «Зауральского края» [Урал, 1918, № 4]. Специально

для ознакомления населения с идеологией ВОПУ правительство учреждало пропагандистский институт уездных инструкторов-осведомителей [ГАСО, ф. р-1951, оп. 1, д. 2, л. 37]. Более того, в 1923 г. Груздев изложил взгляды на столичное положение Екатеринбурга в юбилейном советском издании «Екатеринбург за 200 лет» [Екатеринбург — областной центр], где в латентной форме позиционировал и ВОПУ, и Уралоблсовет большевиков как институты власти, способные к проявлению «областнического чутья» [Бугров, с. 41], экономист Эвенчик в 1932 г. издал труд о планировании Урало-Кузнецкого комбината [Эвенчик], заместитель Кроля по ведомству финансов В. А. Всеволожский служил в советском Наркомфине, а эсер Прибылев и меньшевик Мурашев, выйдя из своих партий, стали членами Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Именно представители левого крыла ВОПУ (умеренные социалисты), поразительным образом избежав всех репрессивных кампаний, впоследствии поступили на службу в советские учреждения и внесли вклад в формирование советского Уральского территориально-производственного комплекса, который по своему содержанию с точки зрения экономического устройства воплотит их областнические идеалы и императив территориального переустройства края во благо общегосударственного интереса.

Однако далеко идущие планы коалиции ВОПУ прервались решением Уфимского Госсовещания о создании всероссийской власти, резиденцией которой Кроль предложил назначить Екатеринбург. 4 ноября Временное Всероссийское правительство эсера Н. Д. Авксентьева издало указ, где «считало более недопустимым существование всех областных правительств», однако в будущем допускало создание общеуральского правительственного органа для решения вопросов областного значения [ЦДООСО, ф. 41, оп. 1, д. 121, л. 23], но резиденцию все-таки разместило в Омске. ВОПУ сложило полномочия, хотя работа по подготовке проекта продолжалась, что, очевидно, не смущало Кроля: речь шла не о суверенизации и сепаратизме, а о продолжении работы по конструированию места уральской автономии в федеративной структуре будущей России, о подготовке региона к Учредительному собранию. Впоследствии Кроль изложил свои взгляды в мемуарах, в которых также не прослеживается рассуждений об особости уральского населения и областничестве. Вместо них заметны реакция на текущий политический момент и учет общегосударственных интересов [Кроль, с. 71–93].

Исходя из вышесказанного, можно сделать ряд основных выводов.

Проект формирования территории Уральской области не имел единого согласованного обоснования. Вместо него существовало несколько предложений от главных управлений ВОПУ с разным содержанием, вплоть до весьма неординарных тезисов об изоляции Урала с его исключительным подчинением центральной власти и осуждением провинциального эгоизма либо разделении страны на равные по численности населения субъекты. Большая часть докладов не питала иллюзий в отношении укорененности областнической идеи у местного населения, делая акцент на развитие экономики края исключительно

в общегосударственных интересах России. Областническими, по-видимому, необходимо считать проекты, содержавшие обзор особых, примордиально присутствующих уральцам черт их региональной идентичности. Наиболее ярким из них представляется проект ведомства земледелия под руководством коренного уральца эсера Прибылева. Все шесть проектов содержали мысли о будущем территориально-производственном планировании Урала, воплощение их в жизнь предлагалось начать сразу с 1918 г. Однако реализовать проект смогла лишь советская власть в виде Уральской области и соответствующего территориально-производственного комплекса, в разработке которого участвовали и бывшие члены ВОПУ — социалисты.

Отдельный уникальный проект, высказанный самим Кролем, вообще нельзя классифицировать как областнический. Мысли Кроля можно охарактеризовать как конструктивно-инструментальные и ситуативно-политические, более прагматичные в сравнении с другими. Кроль не имел собственных представлений об уральской идентичности, но планировал мобилизовать ее на борьбу с красными в том случае, если она действительно имела место у населения края. Лишь он один четко осознавал разницу между нынешним (1918 г.) и грядущим (после победы над красными и созыва Учредительного собрания) политическими моментами, из которых вытекают совершенно разные цели, выбирается разный состав территории региона с учетом меняющихся факторов внутривнутриполитической конъюнктуры (тезисы о подвижной динамике региональных границ по мере развития края, об опасности интеграции казачьих и башкирских земель, нарушение автономии которых подорвало бы единство антибольшевистских сил, создав их сопротивление белому Уралу). Возможно, это объясняется неуральским происхождением Кроля, что, в отличие от остальных членов ВОПУ, позволяло ему сохранять политический рационализм.

Взгляды создателей ВОПУ серьезным образом отличаются и от знаменитого сибирского областничества. Оно, формируясь в XIX в., согласно выводам А. В. Ремнева, предполагало наличие особой «сибирской национальности» (физико-антропологического типа), отличной от русской и базирующейся на длительных позитивных расовых и бытовых взаимовлияниях славянского и инородческого населения, нацеленность на формирование уникальной сибирской надэтнической литературы и искусств. Лишь недостаточный уровень экономического развития, приток переселенцев и начало гражданской войны не позволили областничеству Сибири перерасти в политический сепаратизм [Ремнев, с. 118–124]. Как видно, в проектах идеологов ВОПУ о столь радикальной особенности уральцев не говорится. Более того, наличие инородческого элемента характеризуется главками ВОПУ как нежелательная управленческая проблема, а целью его создания называется польза с точки зрения интересов России и ее целостности.

«Ядром» Уральского региона все авторы считали исключительно территорию Пермской губернии, а иные пространства — лишь ближней и дальней периферией. Изначально Урал задумывался как субъект будущей федерации,

а возбуждение вопроса о границах преследовало сугубо прагматическую цель — выбрать избирательную систему для облдумы. По-видимому, внеся в общественно-политическую жизнь края тезис об автономизации, Кроль, не ожидая такого развития событий, стимулировал формирование политической областнической мысли, проявившей себя в последовавшей дискуссии и в открытии специализированного областнического издания «Урал» (позже — «Наш Урал»), название которого отражает регионалистское мышление левой части межпартийной коалиции ВОПУ. Идеи издания были чужды Кролю и его партии, печатный орган которого, функционировавший в Екатеринбурге, сохранил наименование «Зауральский край», отражавшее иное понимание региона и позиционирование Екатеринбурга лишь как центра зауральской части губернии со столицей в Перми.

ВОПУ выступало поистине коалиционным правительством: его состав выстраивался в принципиальном диалоге и постоянных дискуссиях, сочетая многопартийность и технократизм (понимаемый как отраслевая компетентность управленцев). Достаточно сказать, что архитекторы ВОПУ, кадеты, заняли в нем лишь четверть состава (если принимать в расчет близких к ним по взглядам глав ГУ горных дел и юстиции — половину), а предложения Кроля по поводу территориального комплектования правительством систематически отклонялись. Главой ВОПУ по настоянию Кроля был назначен его однопартиец Иванов, признававший собственную неготовность принимать на себя столь серьезную должность, а главой ГУВД — малоизвестный представитель маловлиятельной партии энесов, что предотвращало дрейф уральского политического режима в сторону военно-силового или вождистского. Это отличает ВОПУ от правительств левого блока в Совнаркомах РСФСР и Уралобласти, формировавшихся под контролем большевиков на базе общих вопросов, не вызывавших разногласий (и распавшихся с первым же их возникновением по поводу Брестского мира), от эсеровских правительств Поволжья и Сибири, не претерпевавших серьезных внутренних разногласий ввиду партийной гомогенности, а также от военных белых режимов, принципиально не терпевших политической дискуссии.

Источники

- Вологодский П. В. Во власти и в изгнании. Рязань : НРИИ, 2006.
- ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. р-1951. Оп. 1. Д. 2, 5, 8, 58; Ф. р-1957. Оп. 1. Д. 1.
- Екатеринбург — областной центр // Екатеринбург за двести лет (1723–1923) / под ред. В. М. Быкова. Екатеринбург : Уралкнига, 1923. С. 77–106.
- Кроль Л. А. За три года (воспоминания, впечатления и встречи). Владивосток : Свободная Россия, 1921.
- Урал. 1918. 21 (8) ноября. № 4.
- ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 41. Оп. 1. Д. 120, 121.
- Эвенчик Б. И. Урал в плане Урало-Кузнецкого комбината. М. : Советская Азия, 1932.

Исследования

Бугров К. Д. Соцгорода Большого Урала. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018.

Иванов А. В. Социально-экономическая политика Временного областного правительства Урала (август–ноябрь 1918 г.): к истории изучения проблемы // Известия Уральского государственного экономического университета. 2013. № 2. С. 89–95.

Иванов А. В., Трофимов А. В. Поиск моделей социального партнерства на Востоке России в 1918–1919 гг. // Уральский исторический вестник. 2013. № 4. С. 39–49.

История Урала : пособие для студентов, учителей и самообразования : в 2 т. Т. 2 : Период социализма / ред. коллегия: д-р ист. наук В. Ф. Попов [и др.]. 2-е изд. Пермь : Перм. кн. изд-во, 1977.

Казакова-Апкаримова Е. Ю. Проблема региональной идентичности уральцев в публицистике и областной литературе конца XIX — начала XX века // Известия Уральского государственного экономического университета. 2013. № 2. С. 83–88.

Казакова-Апкаримова Е. Ю. Поиски идентичности и столичность Екатеринбурга: у истоков мифа // Известия Уральского государственного экономического университета. 2014. № 4. С. 114–119.

Плешкевич Е. А. Органы государственной власти и управления правительств «демократической контрреволюции» и диктатуры А. В. Колчака на Урале (1917–1919 гг.): дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Челябинск, 2002.

Ремнев А. В. Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // Полития. 2011. № 3. С. 109–128.

Рышков В. М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918–1919 г.). Новосибирск : Сибпринт, 2008.

Рышков В. М. Временное областное правительство Урала: соотношение региональных и общероссийских факторов деятельности (август–декабрь 1918 г.) // Уральский исторический вестник. 2019. № 2. С. 97–103. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-2\(63\)-96-103](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-2(63)-96-103)

Салазников С. С. Антибольшевистские правительства Сибири и Урала в период «демократической контрреволюции» : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Екатеринбург, 2005.

Сичинский Е. П. Из истории Временного областного правительства Урала (К вопросу о «третьем пути» русской революции) // История СССР. 1992. № 1. С. 164–172.

Соловьева Т. В. Идея Уральской Республики в условиях революционных потрясений // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика : сб. науч. тр. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 287–298.

References

Bugrov, K. D. (2018). *Sotsgoroda Bol'shogo Urala* [Socialist Cities of the Greater Urals]. Yekaterinburg: Ural University Press.

Ivanov, A. V. (2013). *Sotsial'no-ekonomicheskaya politika Vremennogo oblastnogo pravitel'stva Urala (avgust–noiabr' 1918 g.): k istorii izucheniiya problemy* [Socio-Economic Policy of the Provisional Regional Government of the Urals (August – November 1918): On the History of the Study of the Problem]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2, 89–95.

Ivanov, A. V., & Trofimov, A. V. (2013). *Poisk modelej sotsial'nogo partnerstva na Vostoke Rossii v 1918–1919 gg.* [Search for Models of Social Partnership in the East of Russia in 1918–1919]. *Ural'skij istoricheskij vestnik*, 4, 39–49.

Kazakova-Apkarimova, E. Yu. (2013). *Problema regional'noj identichnosti ural'tsev v publitsistike i oblastnoj literature kontsa XIX — nachala XX veka* [The Issue of Regional Identity of the Urals in Journalism and Regional Literature of the Late 19th — Early 20th Centuries]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2, 83–88.

Kazakova-Apkarimova, E. Yu. (2014). *Poiski identichnosti i stolichnost' Ekaterinburga: u istokov mifa* [The Search for the Identity and Capitalism of Yekaterinburg: At the Origins of Myth]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 4, 114–119.

Pleshkevich, E. A. (2002). *Organy gosudarstvennoj vlasti i upravleniia pravitel'stv "demokraticeskoi kontrrevoliutsii" i diktatury A. V. Kolchaka na Urale (1917–1919 gg.)* [Bodies of State Power and Government of the “Democratic Counterrevolution” and A. V. Kolchak’s Dictatorship in the Urals (1917–1919)] (doctoral dissertation). Chelyabinsk.

Popov, V. F. (Ed.). (1977). *Istoriya Urala* [History of the Urals] (Vol. 2). Perm: Permskoe knizhnoe izd-vo.

Remnev, A. V. (2011). Natsional'nost' “sibiriak”: regional'naia identichnost' i istoricheskij konstruktivizm XIX v. [Nationality: “Siberian”: Regional Identity and Historical Constructivism of the 19th Century]. *Politeia*, 3, 109–128.

Rynkov, V. M. (2008). *Sotsial'naia politika antibol'shevistskikh rezhimov na vostoke Rossii (vtoraia polovina 1918 – 1919 g.)* [The Social Policy of Anti-Bolshevik Regimes in Eastern Russia (Second Half of 1918 – 1919)]. Novosibirsk: Sibprint.

Rynkov, V. M. (2019). Vremennoe oblastnoe pravitel'stvo Urala: sootnoshenie regional'nykh i obshcherossijskikh faktorov deiatel'nosti (avgust-dekabr' 1918 g.) [The Provisional Regional Government of the Urals: The Ratio of Regional and All-Russian Factors of Activity (August–December 1918)]. *Ural'skij istoricheskij vestnik*, 2, 97–103. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-2\(63\)-96-103](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-2(63)-96-103)

Salaznikova, S. S. (2005). *Antibol'shevistskie pravitel'stva Sibiri i Urala v period “demokraticeskoi kontrrevoliutsii”* [Anti-Bolshevik Governments of Siberia and the Urals in the Period of “Democratic Counterrevolution”] (doctoral dissertation). Yekaterinburg.

Sichinskij, E. P. (1992). Iz istorii Vremennogo oblastnogo pravitel'stva Urala (K voprosu o “tret'em puti” russkoj revoliutsii) [From the History of the Provisional Regional Government of the Urals (To the Question of the “Third Way” of the Russian Revolution)]. *Istoriya SSSR*, 1, 164–172.

Solov'eva, T. V. (2016). Ideia Ural'skoj Respubliki v usloviakh revoliutsionnykh potriasenij [The Idea of the Ural Republic in Conditions of Revolutionary Upheaval]. In O. S. Porshneva (Ed.), *1917 god v Rossii: sotsialisticheskaja ideia, revoliutsionnaia mifologija i praktika* [1917 in Russia: The Socialist Idea, Revolutionary Mythology, and Practice] (pp. 287–298). Yekaterinburg: Ural University Press.

Кохановский Александр Артурович

¹аспирант кафедры истории России
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
²преподаватель кафедры философии
Уральский государственный аграрный
университет
620075, Екатеринбург, ул. К. Либкнехта, 42
E-mail: kokhanovski.alexander@yandex.ru

Kokhanovski, Alexander Arturovich

¹Postgraduate Student (History)
Department of the History of Russia
Ural Federal University
51, Lenin Ave.,
620000 Yekaterinburg, Russia
²Assistant
Department of Philosophy
Ural State Agrarian University
42, K. Liebknecht Ave.,
620075 Yekaterinburg, Russia
Email: kokhanovski.alexander@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5372-3315>